

Отношение Й.Г. Фихте и Р. Штайнера к масонам

Рето Андреа Саволделли

Впервые опубликовано в еженедельном журнале "Das Goetheanum", Jan. 1995

*перевод deerpl. Требуется корректура. Пожалуйста, свяжитесь с
mail@das-seminar.ch*

Существует множество причин, по которым Й. Г. Фихте решил в 1793 году вступить в общество масонов в Цюрихе. Поучительно узнать их и сравнить с мотивами, побудившими Гёте вступить в это общество. Поэтому о них следует напомнить. Разница между современниками столь же примечательна, сколь и незначительна, когда мы рассматриваем то, как Рудольф Штайнер относился к масонскому ордену. Для Рудольфа Штайнера тот факт, что такие духовные силы, как Фихте и Гете, выступали за возрождение масонства, был одной из причин, по которой он искал согласия с масонской традицией при создании "символично-культового" раздела в контексте своего духовного учения. Как было подробно описано несколько лет назад (1), Рудольф Штайнер получил в Берлине в 1906 году по его предложению разрешение от соответствующего "Великого генерального мастера", как гласила официальная форма обращения, преподавать и работать в рамках масонского движения (которое, кстати, не было признано "официальными" масонами Германии).

30 ноября 1890 года Рудольф Штайнер писал Р. Шпехту: *"Для меня весьма примечательно, как Фихте и Гете поднимаются с двух сторон и встречаются в совершенстве на вершине. Мне кажется, я хорошо понимаю свое время, когда говорю, что идеализм Фихте и Гете должен окончательно сформироваться в своего рода философии свободы. Ибо коррелятом этого понятия у обоих является свобода.*

"(2) - Гете (чьи отношения с Орденом будут рассмотрены позже) нашел связь со своей универсально ориентированной социальной жизнью в формах Брудербунда. Фихте был обречен на неудачу в своем стремлении превратить Лигу в ячейку для духовного обновления нации. Инициатива Рудольфа Штайнера стала важным шагом на пути поиска форм современного духовного ученичества в служении духу эпохи.

Уже в 1792 году Фихте сказал Теодору фон Шену. "Я не масон. Несмотря на многочисленные возможности стать им, у меня есть важные причины избегать их". Далее он говорит об обществе, которое должно развивать и культивировать семена добра в государстве, и пишет: "Масонство могло бы претендовать на это - не в его нынешней форме, но, по крайней мере, в его уже разрешенной оболочке.

Способствовать такому делу - но это разговоры, которые пока остаются мечтами, и только такому другу, как вы, я мог бы намекнуть о своих мечтах. Так что становитесь масоном, когда-нибудь, даст Бог, мы встретимся". (3)

Причины слияния, таким образом, кроются в очень общем законе развития, согласно которому изначально новая духовность распознает свои цели в традиционных ископаемых старой духовности и непосредственном, а не

Особенностью немецкой философии является не обсуждение ранних познавательных переживаний чистого духовного содержания исключительно как снов донаучного невежества, как это преимущественно происходит в романской и английской философии, а восприятие нового "я" и мыслящего знания как оформленного в старых формах выражения.

Для идеалистов погребенные истоки старого посвящения в масонскую традицию таили в себе бормочущие, но объективно живописные картины событий, с которыми они столкнулись в своем индивидуальном стремлении к познанию, в сокровенном пространстве души, на своем одиноком пути к миру и прыжкам эго. Поэтому Фихте питал понятные надежды на то, что масонское мышление может быть открыто для новой философии и что масонское объединение может стать благородным центром идеалистического духа свободы и, таким образом, эффективным органом национального обновления. Он видел это в новой форме образования, которую описал в 1804 году в своей работе "Речи к немецкой нации".

Но Фихте, как и некоторые масоны, которые ему благоволили, были уличены в неясных намерениях, благодаря которым они запутали друг друга в обмане. Эти несвободные мотивы - опасность любой деятельности тайных союзов - заключаются в том, что предпочтение отдается внешним или приобретенным самостоятельно убеждениям о ценности человека, которого пытаются использовать в своих целях. Они должны были препятствовать обмену между сообществом, которое укрепляется благодаря сохранению переданных ему форм духовного знания, и новым видом духовного знания, прошедшего философскую проверку и приобретенного индивидуально.

Работа Й. Г. Фихте в берлинской Королевской ложе Йорка была балансированием между взаимным сговором, в котором каждый стремился использовать другого в своих целях, скрываемых от другого, и значимой взаимопомощью: Фихте нашел социальное признание и, предположительно, финансовую помощь среди берлинских масонов после своего драматического ухода с должности преподавателя университета в Йене, который Гете сопровождал со стороны. Гете сопровождал его на заднем плане. Ведь это был один из принципов Лиги - спешить на помощь идеологически или конфессионально преследуемым братьям в особенности. Фихте уже был в контакте с заместителем Великого магистра Игнацем *Фесслером*. В Берлине, центре немецкого масонства со времен Фридриха Великого, Фесслер был движущей силой реформирования ритуалов и церемоний, которые в основном были заимствованы у французских лож. Всего несколькими годами ранее церемонии проводились на немецком, а не на французском языке. Фесслер работал, как он объяснял, *над "представлениями, которые приближали бы сущность масонства, признанную разумом, к сердцу"*. В этом деле он надеялся на решающую помощь Й.Г. Фихте, особенно после того, как тот поразил его своими знаниями и работами, касающимися высших степеней. Затем он заметил, что Фихте *"знает о масонстве больше, чем все нынешние члены "Внутреннего Востока" никогда не узнают"*. The "Сокровенный Восток" был высшей (восьмой) степенью, недавно учрежденной Фесслером незадолго до начала века, к которой относилось преподавательское бюро, если не администрация Берлинского

Королевская ложа Йорка. Фихте был принят в эту восьмую степень 8 мая 1800 года и получил должность "главного спикера". Вскоре после этого Фесслер и Фихте рассорились. Последний хотел наделить "Внутренний Восток" большой властью, в то время как Фесслер хотел действовать более осторожно, чтобы не поставить под угрозу результаты, достигнутые в преобразовании масонской системы. Хотя впоследствии обе стороны примирились, спор уже вызвал серьезные волнения, и образовались партии.

Однако Фесслер и Фихте уже раньше заложили семена неизбежной ссоры, намереваясь использовать другого в своих целях, которые оба оправдывали тем, что они казались им выше. Как я уже говорил, Фесслер надеялся, что понимание братьями ритуалов и символизируемой ими инициации может быть углублено благодаря сотрудничеству с красноречивым представителем новой немецкой философии. Он установил с ним тайный контакт, но на других публичных встречах вел себя по отношению к Фихте крайне пренебрежительно, давая понять, что "профанный ученый" его не интересует. Фихте подыгрывал ему, делая вид, что Фесслер ему не нравится, о чем он признался своей жене Иоганне в письме от 28 октября 1799 г.(4) В письме содержится оправдание его поведения ввиду отсутствия одобрения, которого он мог справедливо ожидать от своей жены: *"Ты, честная душа, скажешь: "A quoi bon tout cela? Отвечаю: со своей стороны, у него есть веские основания так поступать. Я, однако, не принимала активного участия в этой игре, а отдалась страданиям, потому что хотела узнать все его уловки и сделать свое благоразумие необходимым для человека, который не имеет ни малейшего представления о том, кто я и чего хочу, и которого мне в конце концов придется использовать"*.

В этой аргументации действует дух, который еще не способен раскрыть полностью человеческую совесть, как она говорила через Фихте в более поздние годы.

Различие между активным и пассивным предназначено для преступлений, наказуемых по уголовному кодексу, но оно неуместно в отношении процессов сознания, которые призваны способствовать умственному воспитанию. Здесь мысли и намерения уже являются вполне действительными правонарушениями. -

Несколько позже Фихте пишет о Фесслере, опять же в письме к жене: *"Он мне не подходит. Он льстит мне, потому что думает, что может использовать меня, но у него самонадеянная натура, которую мне приходится время от времени сдерживать. Я веду себя так, словно хочу позволить использовать себя в качестве его орудия, пока не стану им полностью."*

По большей части я уже сделал это; по крайней мере, я уже знаю, что он сделал, и хочу только увидеть, что он сделает дальше, и все закончится тем, что я осуществлю свои планы и использую его. Главная черта его характера заключается в том, что он никогда не идет прямо к цели и предпочитает сделать сто шагов по кривой дорожке к той же цели, которой он достиг бы одним шагом по прямой. Но он делает это с таким верным сердцем, что это снова делает его честным человеком в моих глазах".

Фихте встретился с другими братьями, что послужило толчком к тому, чтобы лучше представить его руководству ложи в Берлине. Теперь Фесслеру было официально предложено лично посетить Фихте и попросить его помочь в работе ложи. Когда Фихте проявил интерес, это было очень ожидаемо. Варнхаген, с которым Фихте уже говорил об этом, обозначил свою заинтересованность

следующим образом

превратить эффективный союз братства в орган философии, определить этапы его освящения в соответствии со светом науки и в то же время сделать его органом философии.

Чтобы восстановить пифагорейский институт в наше время, в такой идее было нечто грандиозное и заманчивое, с чем Фихте, в частности, мог связывать самые обнадеживающие перспективы".

Впервые Фихте рассказал о своих взглядах на масонство в Инструкторской ложе 14 октября 1799 года. Заметки об этом были утеряны. После перехода в Королевскую ложу Йорка он читал лекции по двум воскресеньям, на 13 и 27 апреля 1800 года, перед общей трапезой братьев, Фесслер прочитал свои масонские лекции очень большому собранию братьев из всех трех систем, работавших в то время в Берлине, которые он позже опубликовал как "Письма к Константу" без явного упоминания автора. Они будут рассмотрены во второй части этого эссе.

Игнац Фесслер был глубоко вдохновлен теми же мотивами, что и Фихте. Временная вражда возникла из-за того, что оба видели слабые стороны друг друга и чрезмерно подчеркивали это для себя. Фесслер неоднократно подчеркивал превосходство принципа посвящения над рассудочными спекуляциями, которые он ценил как современный подход к жизни духов и как эффективное средство удержания энтузиастов и интриганов подальше от тайного общества. Он пишет (и оставляет открытым вопрос, предназначалось ли это Фихте) о мудреце мира идей, *"который знает, как все должно быть в целом, но мудрец реального мира видит в свете своего идеала, как все может постепенно стать в соответствии с данным материалом, и берет из святилища своего интеллекта то, чем может стать обширное царство духа".*

спекуляции не может существовать. Первая растворяет общества, когда хочет подтянуть их к себе, вторая формирует и укрепляет их, когда у нее достаточно смирения, чтобы только захотеть поддержать их своей силой".

Эта истина, должно быть, поразила Фихте. Рудольф Штайнер неоднократно представлял процесс творческой отставки как ключ, с помощью которого чистое мышление становится носителем образного духовного знания, как он делал это в инструктивных уроках символично-культурной секции раннего антропософского движения, упомянутых в начале. В ответном примечании к письму Фихте Фесслер жалуется на нечестный способ борьбы Фихте. Он описывает нечестного масона, который ставит под угрозу ложи, следующим образом. *"Он начнет с требования признать свое превосходство, продолжит обвинениями в невежестве и ошибках и закончит тем, что заканчиваются презрительными упреками".*

На решающей встрече Фихте *"грубо и непристойно"* обошелся со старым братом и *"недостаточно признал его положение"* *"хозяин кафедры"*.

защищали", что привело к официальному выходу Фихте из ложи. Фесслер сожалел о выходе Фихте из Ассоциации масонов. Он отметил в своем дневнике. *"Таким образом, братья снова отсекали способную, живительную голову от своего увядающего тела"*. - Однако Фесслер не ушел в отставку, а позволил себя учить творческой отставке, вскоре он потерял влияние и продолжал отрекаться от всех реформаторских стихов. *"Я не мог ужиться с медлительным мышлением людей - я должен был быть доволен"*. - *"С берлинским*

Легкомысленность ложи означает, что члены ложи, которые стремятся только к

удовольствиям и времяпровождению

братьям всю кантовскую, фихтеанскую, шлегелевскую философию, которая заставляет их чувствовать пренебрежение к своему воспитанию и образованию или побуждает их мыслить так, как им так не нравится". - Дневники, опубликованные Фесслером уже в 1802 году, и "Письма к Константу", изданные с одобрения Фихте, еще раз подчеркивали общность их устремлений и хотели дать людям повод для размышлений,

"которые измеряют колосса-брата ели по омоложенной шкале их карликовости. осмелился". - Фесслер признавал, что в будущем "распространение чистого света масонства возможно только через отдельных людей, а не через ложи и т.д.", и что отдельному просветленному человеку лучше не занимать никаких должностей.

Фихте в письме к Фридриху Шлегелю от 16 августа 1800 года, через месяц после выхода из общества. *"Масонство настолько осточертело и окончательно возмутило меня, что я с ним полностью распрощался". - Но уже в 1811 году Фихте говорил Варнхагену, что высоко ценит масонство как школу благородного человеколюбия. Из вышеописанного симптоматического процесса видно, что духовная ориентация на новое посвящение, подготовленная Й. Г. Фихте и реализованная в работах Рудольфа Штайнера, была еще недостаточно сильной, чтобы поднять духовное сокровище, которое основатели масонства передали своим первым ученикам и которое было погребено в пыльных формах ритуалов. Рудольф Штайнер сделал это с помощью "Служения Мисраима", как позже назвали символично-культовую работу, которую он возглавлял с 1906 по 1914 год. Его условием для получения вышеупомянутого признания было то, "чтобы Орден не сообщал мне о своих*

Ритуалы". (5) - Дихты за его согласие на лекции, запрошенные Ложей, "чтобы он был полностью ознакомлен с формулами высших степеней, чтобы он мог определить, стоит ли ему беспокоиться о Ложье Ройал Йорк".

Две лекции, которые Й.Г. Фихте прочитал берлинским масонам в апреле 1800 года, пронизаны напряжением, существующим между идеальной целью и воспитательной задачей масонства и индивидуальным стремлением, которое не в состоянии заменить ни одно учреждение, как бы гениально оно ни было создано. *"Мораль, таким образом, заключается в том, чтобы выполнять свой хорошо осознанный долг с абсолютной внутренней свободой, без какого-либо внешнего импульса, просто потому, что это его долг. Это Человек может принять решение только по собственной воле; его нельзя научить или наставить, тем более выпросить, вымолить или принудить". (6) - Фихте придает большое значение исследованию этой взаимосвязи и точной характеристике тех форм самовоспитания и формирования сообщества, которые позволяют им быть наиболее устойчивыми для взаимного обмена. Ниже приводится описание Фихте духовной индивидуализации, создания моральной свободы и работы, являющейся ее результатом, с тем чтобы затем проследить некоторые его мысли о смысле и цели масонства. (Я должен оставить без внимания другие вопросы, которые он подробно рассматривает. Например, не может ли облагораживание духовных сил быть достигнуто и вне общества, основанного для этой цели, и каким образом то, что достигается внутри такого отдельного общества, в свою очередь внедряется в общественные структуры мира).*

"Каждый, кто честен с самим собой, должен постоянно наблюдать за собой, и в Я все больше и больше убеждался, что истинное стремление облагородить себя очень деликатно и постыдно. Но это дело, по своей природе, кажется неспособным к общению Я все больше и больше убеждался, что истинное стремление облагородить себя очень деликатно и стыдливо, что оно уходит в себя и не может сообщать о себе вообще. - Я никогда не выражал словами свое улучшение перед самим собой; как же мне хотелось выразить его перед другими! Довольно, я поступил иначе, и мои друзья, как и я, узнали рост растения только по его плодам. - Поэтому никогда не следует выставлять напоказ свое совершенствование, никогда не следует смиряться до простого признания своих недостатков, а лучше признать их. отбросить их. Пусть они нам противны, тогда мы не будем их перелистывать, чтобы выразить их вполне определенно и пристойно".

Фихте противостоял тенденции отражать чувство добра и борьбу с низменным злом в эгоцентрическом пристрастии к чистоте. Для него впадение в самообвинительные исповеди было равносильно неплодотворному обновлению устаревшей монашеской этики. В масонских кругах он также сталкивался с тенденцией подставлять зеркало "correctio fraternitatis" под преувеличенный эгоцентризм. Сила, которая создает самопреодоление, которая осмеливается создавать нечто новое внутри себя, представлялась ему выражением внутренней природы человеческой реальности. Доверие к этой силе, действующей в каждом человеческом существе, означало для него истинную основу любого человеческого сообщества. Он описывал ее как проявление "Святая Святых". Духовная наука учит нас распознавать в этой силе существо, которое проходит через несколько земных жизней. - *"Все, что выглядит как различие между людьми, будь то в умении, знании или добродетели, профанируется по сравнению с масонством, но в том, что касается нравственной свободы, даже масонство профанируется и не свято; ибо это Святая Святых, против которой даже священное является обычным".*

Социальные институты, все, что стимулирует умственный и духовный обмен между людьми, призвано способствовать реализации этого внутреннего побуждения. С другой стороны, самопобеда, практика моральной свободы, не имеет цели, она сама является целью развития, следовательно, самоцелью. Его проявлениями являются терпимость, верность, терпение, умение прощать, мужество служить, молчание, способность посвятить себя духовному идеалу.

Но как описать цель сообщества, которое посвящено очень общему процессу индивидуализации духовного в каждом из своих членов? Фихте предлагает ряд соображений на эту тему, которые должны побудить нас преобразовать фактическое состояние в желаемое. *"Можно сказать, что целью всего человечества является формирование единого великого объединения, каким в настоящее время должно быть масонское объединение".*

Рудольф Штайнер, поставленный перед необходимостью ответить на этот вопрос применительно к сообществу знания (для чего и было основано Антропософское общество), формулирует его цель как *"культивирование духовной жизни в отдельном человеке и в человеческом обществе на основе истинного знания о духовном мире"*. Тот же идеал я слышу у И. Г. Фихте, с оговоркой, которая будет упомянута позже: *"Здесь Мужчины из всех слоев общества свободно собираются вместе и объединяют образование, которое каждый из них*

индивидуальность, в своем состоянии, может приобрести, в одной куче. Каждый приносит и отдает то, что у него есть; мыслящий ум - определенные и ясные понятия, действующий человек - мастерство и легкость в искусстве жизни, религиозный - религиозное чувство, художник - художественный энтузиазм, но никто не отдает это так, как он получил это в своем состоянии и будет распространять это в своем состоянии. Каждый оставляет индивидуальное и особенное, так сказать, и берет то, что получилось в результате в его внутреннем существе. Он старается внести свой вклад таким образом, чтобы он мог прийти до каждого члена общества; а общество в целом старается сделать это своим. и тем самым придать своему доселе одностороннему образованию общую полезность и универсальность. В связи с этим все получают одинаковые Он больше отдает, чем дает; именно отдавая, он получает способность отдавать".

Современное сообщество может быть сформировано только снизу вверх. Это означает, что его члены могут объединиться с ним исключительно в силу тех причин, которые они сами прекрасно понимают, поскольку они удовлетворяют их внутренние потребности. Чем больше в сообществе возрастает отдающая способность индивида, его отдающая добродетель, тем яснее развивается общее сознание инициационного процесса, в котором заключен закон развития каждого отдельного члена. Ясность этого сознания в его ответственных носителях, таким образом, отражает духовное качество сообщества. Важен не пафос воображаемой миссии, а чуткое внимание к выразительному вкладу представителей общины и к духовным и эмоциональным потребностям ее членов. Потребности членов общины.

Но посвященный преуспевает в этом лучше, чем ученик, если посвящение открывает способность видеть дух в ближнем, понимать его судьбу, уметь помочь советом и делом развитию его само- и миропознания. Идея посвящения теперь содержит и подразумеваемое ограничение масонского образования, о котором говорил Фихте. Для Рудольфа Штайнера "*истинное познание духовного мира*", открываемое посвященным и в идеале постигаемое духовным учеником, является корнем, из которого проистекает "*возделывание духовного мира*".

Понятие инициации, используемое Фихте, традиционно и не исходит из самостоятельно приобретенного духовного знания, которым мы восхищаемся в работах Рудольфа Штайнера. Концепция инициации, используемая Фихте, традиционна, не исходит из самоприобретенного духовного знания, которым мы восхищаемся в работах Рудольфа Штайнера, и поэтому зависит от поддержки традиционных буржуазных и эзотерических авторитетных структур в культивировании духа общины. Преобразование их в эпистемически-христианские структуры является решающим фактором в современном антропософском сообществе знания.

С одной стороны, Фихте отвратителен трупный запах, исходящий от тени давно угасшей египетской мистериальной жизни. Он выступает против бесчестного возрождения этой тени, чья тупая автосуггестия сторонится света индивидуально распознаваемого духовного объединения, которая не столько укрепляет индивидуальное познание в "обработке" нагроможденных друг на друга барочных степеней посвящения, сколько возобновляет зависимость от журчащего очарования неудобоваримых и к тому же строго тайных учений или ритуально действующих авторитетов. Он чтит кодекс жестов, символов и ритуалов, опираясь на авторитет, который

но это не что иное, как то, чего может ожидать каждый человек, а именно *"что человек охотно предполагает, что в нем может быть сокрыта мудрость, что он искренне стремится найти эту мудрость и что он с радостью принимает ее, найдя и доказав ее в своем уме и сердце"*. "

Фихте не преминул заметить, что эти памятники мудрости слишком часто несут в себе не силу движения идей, а догматизм масонских систем, борющихся друг с другом за первенство оккультной традиции, порождая в мире не открытую готовность к переживанию пробудившихся детских сил духа, а скорее тайну, действующую с отрегулированным окуляром, жаждущую социальной власти. - *"Смело и громко, насколько это возможно, и с любым риском я призываю. Далеко, далеко от каменщика, который, как считается, сбросил с себя все оковы власти, чтобы он позволил связать себя новыми тайными оковами; далеко от того, кто стремится достичь чисто человеческого воспитания и жить везде только духом, чтобы он позволил связать себя новой буквой; далеко от общества, которое отвергает всякий гильдейский дух, чтобы оно превратило себя в гильдию."*

С другой стороны, Фихте чувствовал влечение к масонской традиции обучения, поскольку был способен разгадать язык знания, исходящий из всего человеческого существа, по крайней мере, из отдельных его фрагментов. Всю свою жизнь он стремился овладеть азбукой этого духовного языка познания в духовном наблюдении за производством нравственной свободы. По этой причине он предоставил себе право отделять свет от тени. - *"Так, во всех книжных магазинах продаются книги, которые, хотя и касаются масонства, не раскрывают ни слога о масонстве, а с другой стороны - и заметьте это внимательно - во всех книжных магазинах есть книги масонов и не-масонов, которые вообще не упоминают о масонстве, авторы которых, возможно, ни слова не знают о масонстве, и которые тем не менее являются подлинно масонскими. Поэтому, повторяю, ничто не мешает сделать Мистерии общедоступными в такой форме, ибо общедоступной становится только речь или письмо, но не Мистерии. Тот, кто еще не имеет их в себе, никогда не постигнет их. Для него речь превращается в ряд непонятных звуков, письмо - в белую бумагу; или же, если он и уловит смысл, то очень подчиненный и половинчатый, никогда не полный и всеобъемлющий, как предполагалось в лекции."*

Тем не менее, во второй из его лекций также описывается правило, которое строго запрещает письменную передачу переданной традиции и считает возможным распространять истинную действенность традиционной доктрины только в устной форме. Фихте рассматривает это как требование учения, отделенного от широкой публики, которое не приглашает "к рассуждению, к спору, поскольку оно не приводит причин, не призывает к рассмотрению этих причин и не хочет распространяться дальше, чем достигают его причины, но имеет форму очень простого повествования: так оно и есть, мы это знаем; и каждый, кто равен нам, будет это знать". - *"Это учение, в отличие от первого, не должно ограничиваться. Она должна быть обращена не к интеллекту, а к целостности человеческого существа, не допуская, таким образом, фактического обсуждения, и, наконец, поскольку она происходит из самой седой древности, она должна быть облечена в метафорические выражения и образы"*.

Помимо образцового поведения, главным инструментом масонской воспитательной работы Фихте считал передачу устной традиции, которая должна была осуществляться осмотрительно и поэтому не могла быть передана тому, "кто о ней не знает". Женская часть человеческой расы с самого начала была исключена из этого образования. Причину торжественного обета молчания, который должен дать масон, желающий быть принятым, он объясняет тем, что внешняя форма (клятва и т. п.) постарается свести на нет любой внутренний недостаток, который мог возникнуть, а именно отсутствие экзамена у кандидата. Тем не менее, для Фихте печатание материалов, предназначенных для устного обучения, не является серьезным препятствием для дальнейшего процветания масонства. (*"Нет ничего, что могло бы помешать сделать Мистерии общедоступными в такой форме, ибо общедоступной становится только речь или письмо, но не Мистерии"*). Односторонний дух AuAlägung, который оставался в нем, не очень понимал любую тайну. Более того, он даже подозревал, что причина цепочки устных передач кроется в том *"обстоятельстве, что во время появления ранних мистерий еще нельзя было должным образом приступить к оформлению идей в письменном виде и что приходилось работать тайно и скрытно. священные вещи обычно придерживаются старого метода"*.

Фихте не смог решить вопрос о знаке оправданной публикации духовного содержания, поскольку он в иной форме занимал и членов Антропософского общества. В его мавританских лекциях он остался в непроницаемой форме. Для ответа на этот вопрос здесь не хватит места. Можно лишь сделать одну подсказку: - Рассмотрим экзотеризацию доктрины Грааля, осуществленную в конце XII века Шре-тьеном де Труа и Вольфрамом фон Эшенбахом (на эзотерическую подоплеку которой оба автора, по крайней мере, намекают, упоминая своих учителей в Эльзасе и на юге Франции соответственно), с подавлением обетов и обычаев, молитв и доктринального содержания, культивируемых в Ордене тамплиеров папскими Филиппа IV во Франции. Помимо успешной экзотеризации (которая является конечной целью всей истинной эзотерики) и вынужденного отказа от нее, есть еще и предательство (Иуда), происходящее изнутри самого сообщества.

В середине XVIII века масонство было потрясено несанкционированными публикациями (в частности, трудами А. М. Перау *"Орден масонов-фантов"* (*L'ordre des Francs-Masons trahi*), Женева, 1742, и *"Франко-масоны"* (*Les Francs-Masons écrasés*), Амстердам, 1747, которые вышли на немецком языке под названием *"Die zerschmetterten Freymäurer"*). Фихте комментирует последствия этого в гипотетической форме: *"Масоны теперь будут отказаться от выданной тайны и, чтобы сразу освободиться от подозрений в нечестных целях, закрыть ложи и поместить "посрамленного масона" в свою библиотеку. - Нет! Общество продолжает существовать, как будто о нем никогда не было сказано ни слова, не было напечатано ни одного письма, и как будто его молчание нерушимо."* (7)

Для Фихте эта публикация имела то достоинство, что раскрыла предположение о "самой тайной тайне" в ее ничтожности, на место которой Фихте вставил самую очевидную. - *"Как иногда в шутку говорили: величайшая тайна масонов в том, что у них ее нет, так можно с полным правом сказать: самая явная и в то же время самая тайная тайна масонов в том, что они есть и что они продолжаются"*.

Через Игнаца Фесслера (см. первую часть этого рассказа) Фихте сам получил в свое распоряжение проекты ритуалов, которые, согласно господствующим обычаям, он, скорее всего, не имел бы права проводить. Конечно, это не означает, что эти обычаи были разумными, просто он пренебрег ими, что сильно возмутило старых масонов и привело к его разрыву с Ложей. (8)

Фихте прекрасно понимал, насколько сильно вредит репутации общества незащищенная публикация образовательных материалов: *"Если такое учение дойдет до тех, кто еще не восприимчив к нему, оно, как легко заметить, будет так же мало понято, как и прежнее философствование и рассуждения. Но против него не спорят, не занимаются трактатами, потому что оно само ничего не предлагает и хочет, чтобы его приняли без разделения, а, напротив, почти запутывают его как в корне ложное и восторженное или, если заикливаются на образах, как абсурдное и нелепое, высмеивают его и выставляют на всеобщий смех. Отныне порицанию подвергается не отдельный человек, как в прежнем случае, а вся цель общества, которая совершенно необходима, пресекается навсегда"*.

Следовательно, можно думать, что распространение учения не может быть предоставлено случайному решению издателя, но исключительно суждению о факторах, о которых и д е т речь, со стороны тех, кто способен это сделать. - *"Таким образом, это учение об отдельном обществе никогда не могло быть изложено в постоянных памятниках для всех, кто хотел бы узнать о нем. Оно могло быть дано только тем, чья восприимчивость*

"Если материал был тщательно изучен и исследован, он должен быть передан". - Однако если участники эзотерической школы не могут усвоить учебный материал и сделать его индивидуально плодотворным, то не будет никого, кто мог бы судить по вышеупомянутому вопросу. Фихте считал, что подобный институт больше не имеет никакого оправдания. Поэтому единая душа в его груди обратилась против слепой тайны с содержанием и представлениями, для которой сами тайноведы оставались слепыми.

Духовный наставник молодого Рудольфа Штайнера, который до сих пор остается неизвестным, способствовал развитию своего ученика, в частности, обсуждением работ Фихте.(9) - Ведь Фихте философски раскрыл дух своего времени в силе нравственного самоопределения и воплотил его в действии. Соединить этот дух с духом вселенной через реализацию законов, направленных на человека, стало его тайным желанием, которое в те времена еще не могло быть исполнено. Поэтому верно, когда Фихте пишет в начале второй лекции о масонстве: *"Конечная цель человеческого существования находится вовсе не в этом нынешнем мире. Эта первая жизнь - лишь подготовка и зародыш высшего существования,*

уверенность в котором мы ощущаем самым непосредственным образом, хотя и не в состоянии помыслить его природу и способ". - Масонский символизм и доктринальные мифы не достигли в его созерцании такой силы духовного видения, чтобы породить современные когнитивные фантазии, призванные заменить собой простую традиционную форму.

Отказ, связанный с отказом от знания, привел действия и мысли Фихте к формированию человеческих социальных отношений с восхитительной близостью, которая кажется мне плодом его духа. То, что он таким образом демонстрировал с наибольшей силой, была его любовь к человеческому обществу, которая нашла свое наиболее общее выражение в его правовых

институтах.

создает. Хотя он видел в цели одного государства измененную цель всего человеческого рода, он не стал жертвой абстрактного космополитизма.

"Ибо как в отношении религии, хотя его разум полностью сосредоточен на вечном, он, тем не менее, посвящает все свои силы земному, так и в отношении праведности все его силы посвящены его государству, его городу, его должности, конкретному месту на земле, в котором он сейчас живет, хотя его разум сосредоточен на целом. Любовь к родине и космополитизм тесно связаны в его сознании, и между ними существует определенная взаимосвязь. Любовь к родине - это его поступок, космополитизм - его мысль; первое - это внешность, второе - внутренний дух этой внешности, невидимое в видимом". И далее: *"Каковы бы ни были гражданские законы, которыми он руководствуется, и как бы глубоко он ни осознавал их несостоятельность, он подчиняется им, как велению чистого разума, ибо знает, что неадекватные законы и конституции лучше, чем вообще никакие, что неадекватные законы - это подготовка к лучшим, и что ни один человек не может изменить или отменить ни один из них без согласия всех, а простым молчаливым неповиновением никто не может отменить их вообще."*

В своих "Речах к немецкому народу", которые он с большим мужеством произнес во время французской оккупации, Фихте развил основные черты национальной солидарности и национального воспитания, которые он рассматривал как необходимую ступень на пути к нравственному совершенству. В работе сознания над духовной целью народа исполнилось многое из того, чего он тщетно искал в масонском союзе и что он сам впоследствии предлагал в общественном обществе для будущего развития, которое направляется к нам.

-
- 1) *Об истории и содержании эпистемологического отдела Эзотерической школы, GA 265.*
 - 2) Письма I, 1955, с.125
 - 3) см. предисловие В. Флитнера к книге "J. G. Fichte, *Philosophie der Maurerei*", Felix Meiner 1923, р. X., а также все остальные подробности о связи Фихте с берлинской ассоциацией масонов.
 - 4) *Й.Г. Фихте, Письма к невесте и жене, Лейпциг, 1921.*
 - 5) Рудольф Штайнер в письме к А. В. Селлину от 15 августа 1906 г., GA 265, р.69.
 - 6) Все цитаты, не обозначенные иначе, взяты из лекций Й.Г. Фихте о масонстве в "Письмах к Константу".
 - 7) Сходство между поведением, описанным Фихте, и поведением членов антропософского общества после публикации классовых текстов поразительно.
 - 8) Введение Вильгельма Флитнера к книге Й. Г. Фихте "Философия мавров".
 - 9) см. лекцию Р. Штайнера от 4 февраля 1913 года в Берлине: *"Эта личность... на самом деле использовала труды Фихте, чтобы привязать к ним определенные наблюдения, из которых возникли вещи, в которых можно было искать семена "тайной науки", которую впоследствии написал человек, ставший мальчиком"*.